

ЛУЧШИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Э Л И С
Л А П Л А Н Т

РАСКОЛОТЫЙ РАЗУМ



Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л24

Alice LaPlante
TURN OF MIND

© Alice LaPlante, 2011
This edition published by arrangement with Grove/
Atlantic Inc. and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *М. Стражгородской*
Художественное оформление серии *П. Петрова*

Лаплант, Элис.

Л24 Расколотый разум : [роман] / Элис Лаплант ; [пер. с англ. М. А. Стражгородской]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-090991-9

Дженнифер подозревают в убийстве лучшей подруги. Да, женщину с прогрессирующей болезнью Альцгеймера всерьез в этом подозревают. Улик слишком много. Чтобы защитить себя и узнать правду, Дженнифер приходится каждый день собирать по кусочкам свою жизнь. Но, может, подсознание не случайно противится открыть правду?

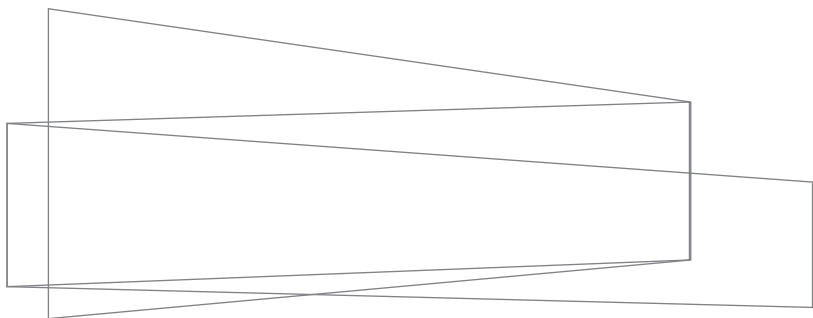
УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Стражгородская М.,
перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-090991-9



ОДИН



Что-то случилось. Сразу понятно. Так всегда, приходишь в себя, а вокруг обломки: разбитая лампа, измученное лицо, которое дрожит в памяти, будто вот-вот должно стать узнанным. А бывает кто-то в униформе: фельдшер скорой помощи или медсестра протягивает таблетку. Или держит наготове шприц.

На этот раз я в какой-то комнате, сижу на холодном металлическом складном стуле. Комнату не узнаю, но к подобному я уже привыкла. Ищу подсказки. Похоже на офис, большое помещение, везде столы, компьютеры, кучи документов. Окон нет.

Я с трудом могу разглядеть бледно-зеленые стены — так много постеров, вырезок и объявлений к ним пришпилено. Освещение скудное. Какие-то мужчины и женщины разговаривают: друг с другом, не со мной. На некоторых поношенные костюмы, на ком-то — джинсы. И еще люди в униформе. Думаю, что улыбка тут неуместна. Страх — другое дело.

* * *

Я все еще могу читать. Не так плохо. Пока... Не книги, конечно, газетные заметки. Или статьи из журналов, если они короткие. У меня своя система. Я беру лист линованной бумаги и делаю записи, совсем как в медицинской школе.

Когда я путаюсь, перечитываю свои записи. Да, я возвращаюсь к ним. Одна статья в *Tribune* может занять два часа, полдня уйдет на *New York Times*. Сейчас я сижу за столом, беру бумагу, которую кто-то тут оставил, и карандаш. Делаю пометки на полях, пока читаю. *Это временные меры. Вспышки насилия продолжаются. Они пожинают то, что посеяли, и должны раскаиваться в этом.*

В конце я смотрю на эти пометки, но не ощущаю ничего, кроме тревоги и невозможности справиться с чем-то. Грузный мужчина в синем нависает надо мной, его рука в нескольких сантиметрах от моего плеча. Готовая схватить. Сдерживается.

* * *

— Вы понимаете права, которые я вам только что зачитал? Зная их, вы будете говорить со мной?

— Я хочу пойти домой. Я хочу пойти домой. Я в Филадельфии? Тут был дом на Уоллнат-лейн. Мы играли в кикбол на улице.

— Нет, это Чикаго. Сорок третий район, участок двадцать один. Мы позвонили вашему сыну

и дочери. С этой минуты вы можете закончить допрос, у вас есть на это право.

— Я хочу закончить. Да.

* * *

Большая табличка приклеена к кухонной стене. Слова, жирно написанные черным маркером чьей-то дрожащей рукой, сползают вниз по доске: *«Я доктор Дженнифер Уайт. Мне шестьдесят четыре года. У меня деменция. Моему сыну Марку двадцать девять. Моей дочери Фионе — двадцать четыре. Сиделка Магдалена живет со мной».*

С этим все понятно. Но кто все остальные в моем доме? Незнакомцы повсюду. Неизвестная блондинка пьет чай на моей кухне. Кто-то роется в чулане. Я свернула за угол, в гостиную, и встретила еще одно незнакомое лицо. Спросила:

— Так кто вы? Кто все остальные? Вы знаете ее? — Я указала на кухню, и они засмеялись.

Они говорят, что это я сама. Я была там, а теперь я здесь. В этом доме нет никого, кроме нас. Они спрашивают, не хочу ли я пойти погулять. Разве я ребенок? Я устала от вопросов. *Ты узнаешь меня, да? Ты не помнишь? Магдалена. Твоя подруга.*

* * *

Блокнот — это способ связаться с собой и с остальным миром. Способ заполнить пробелы. Когда все в тумане, когда кто-то говорит о собы-

тиях, которые не могу вспомнить, я пролистываю страницы. Иногда меня успокаивает то, что я читаю. Иногда нет. Это библия моего сознания. Место блокнота на кухонном столе: большой и квадратный, с черной обложкой из тисненой кожи и с тяжелыми кремовыми страницами. У каждой записи есть дата. Милая леди усаживает меня перед ним.

Она пишет: «20 января 2009 года. Запись *Дженнифер*». Протягивает мне ручку и говорит: «Напиши, что случилось сегодня. Напиши о своем детстве. Напиши, о чем сможешь вспомнить».

Я помню свой первый артродез кисти. Давление скальпеля на кожу и то, как он в итоге ее легко прорезает. Упругость мышцы. Мои хирургические ножницы, царапающие кость. И, наконец, то, как я стягиваю окровавленные перчатки, палец за пальцем.

* * *

Черный. Все одеты в черное. Они парами и тройками идут вниз по улице к парку Святого Винсента, кутаясь в пальто и шарфы. Кажется, на улице пронизывающий ветер.

Я в своем теплом доме, прижалась лицом к холодному стеклу, Магдалена в нерешительности стоит рядом. Я могу видеть только резные деревянные двери двенадцати футов высотой. Они широко открыты, люди заходят внутрь. У входа стоит катафалк, за ним стоят еще машины с включенными фарами.

— Это Аманда, — говорит мне Магдалена. — Похороны Аманды.

— Кто такая Аманда? — спрашиваю я.

— Твоя лучшая подруга. Крестная мать твоей дочери, — немного поколебавшись, отвечает она.

Я пытаюсь. И не справляюсь. Магдалена берет мой блокнот. Она листает страницы. Показывает газетную вырезку:

**ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА ИЗ ЧИКАГО
НАЙДЕНА МЕРТВОЙ И ИЗУВЕЧЕННОЙ**

Chicago Tribune от 23 февраля 2009 года

В Чикаго, штат Иллинойс, вчера было найдено изувеченное тело семидесятипятилетней женщины. Труп обнаружен в доме жертвы, в 2100-м квартале Шеффилд-авеню.

Аманда О'Тул была обнаружена мертвой в своем доме после того, как сосед заметил, что она уже неделю не забирает газеты с крыльца, сообщает источник, близкий к следствию. Четыре пальца на ее правой руке были отрезаны. Точное время смерти неизвестно, но, по версии источника, смерть наступила в результате травмы головы.

Факта хищения имущества не обнаружено.

Пока что обвинение никому не выдвинуто, но полиция задержала для допроса, а потом отпустила подозреваемого.

Я пытаюсь. Но ничего в моей памяти не откликается. Магдалена уходит. Она возвращается с фотографией.

На ней две женщины, одна сантиметров на пять выше другой, ее длинные прямые седые волосы стянуты сзади в тугий пучок. У второй, помоложе, короткие седые кудри обрамляют точеное лицо с более женственными чертами. Она когда-то была красавицей.

— Это ты, — говорит Магдалена, указывая на младшую. — А вот это Аманда.

Я изучаю фотографию.

У высокой женщины суровое лицо. Не из тех, что называют хорошенькими. И не из тех, что называют милыми. Слишком резкое у ноздрей, будто линии выражают презрение щек друг к другу. Женщины стоят рядом, не касаясь, но между ними, несомненно, много общего.

— Попытайся вспомнить, — заставляет меня Магдалена. — Это важно. — Ее рука тяжестью ложится на мое плечо. Она чего-то от меня хочет. Чего же? Но вдруг я чувствую жуткую усталость. Мои руки трясутся. Испарина выступает меж грудей.

— Я хочу уйти в свою комнату, — говорю я. Бью Магдалену по руке. — Оставь меня в покое.

* * *

Аманда? Умерла? Не могу поверить в это. Моя дорогая, дорогая подруга. Вторая мать моих детей. Моя соседка. Моя сестра.

Если бы не Аманда, я была бы одна. Я отличалась от остальных. Всегда в стороне от других. Как ночь отдельно от дня.

Не то что бы все это знали. Они были одурачены показухой, простофили. Никто так не видел слабостей людей, как Аманда. Она заметила меня, спасла от тайного одиночества. А где была я, когда она нуждалась во мне? Здесь. Всего в трех домах ниже по улице. Упивалась своим горем. Пока она страдала. Пока какое-то чудовище размахивало ножом, готовясь к убийству.

Больно. Как же больно. Я перестану пить свои таблетки. Поднесу скальпель к мозгу и вырежу память о ней. И буду умолять о том, с чем сражаюсь все эти долгие месяцы: о сладком забытьи.

* * *

Милая леди берет мой блокнот. Она подписывается: Магдалена.

Сегодня, 11 марта, в пятницу, был еще один плохой день. Ты пнула ступеньку и сломала палец на ноге. Из отделения экстренной помощи ты сбежала на парковку. Санитар привел тебя обратно. Ты в него плюнула.

Какой стыд.

* * *

Это полубытие. Жизнь в сумерках. Пока нейрорифбриллярные клубки множатся, пока нейротические бляшки твердеют, пока синапсы перестают работать, я по-прежнему в сознании. Пациент без анестезии.

Смерть каждой клетки поражает меня в самое уязвимое место. Незнакомые люди опекают меня. Обнимают. Пытаются взять за руку. Дают мне подростковые прозвища: *Джен. Дженни*. Я с горечью смиряюсь с тем, что знаменита, даже любима, пусть и среди незнакомцев. Звезда!

Легенда в своем же сознании.

* * *

В последнее время мой блокнот полнится предостережениями.

Марк сегодня очень злой. Он бросил трубку, когда говорил со мной. Магдалена просит не отвечать на звонки. Не открывать дверь, когда она в ванной или стирает в подвале.

А потом, уже другим почерком:

Мам, с Марком ты не в безопасности. Напиши доверенность на медицинский уход на меня, Фиону. Лучше всего доверять свое лечение и свои финансы одному и тому же человеку.

Что-то вычеркнуто, нет, жирно замазано черной ручкой. Но кем?

* * *

И снова мой блокнот:

Звонил Марк, сказал, что мои деньги меня не спасут. Я должна слушать его. Мы должны предпринять другие меры, чтобы защитить меня.

Ниже:

Мам, я продала акций IBM больше чем на 50 000 долларов, чтобы нанять тебе адвоката. Она известна в делах, связанных с психической вменяемостью. У них нет улик, только догадки. Доктор Дзиен назначил тебе 150 мг кветиапина, чтобы подавить агрессию. Я снова приду завтра, в субботу. Твоя дочь, Фиона.

* * *

Я хожу в группу поддержки людей с болезнью Альцгеймера. Люди приходят и уходят.

Утром Магдалена говорит, что сегодня неплохой день, можно попробовать пойти на собрание. Группа встречается в методистской церкви на улице Кларка, невысоком и сером здании, изнутри обшитом вагонкой, со слишком яркими витражами.

Мы собираемся в Зале Братства, в большой комнате с окнами, которые не открываются, с пятнистым линолеумом, испещренным царапинами от складных стульев. Компания тут самая разношерстная, нас примерно полдюжины, разумы наши в разных стадиях открытости. Магдалена ждет снаружи с другими сиделками. Они сидят на лавках в темном коридоре, вяжут и тихонько переговариваются, однако не теряют бдительности, они всегда готовы вскочить и увести своих подопечных при первой же необходимости.

Наш куратор — молодой человек со степенью работника сферы социальных проблем. У него доброе лицо человека, который никогда не достиг-